

Глава 17. Правила санатория 17

Хотя в его памяти были только события игрового мира, Лу Хуэй и сам узнал немало о реальном мире от других игроков.

Он усмехнулся:

— А ты сам разве не рассказывал, будто в реальности ты — серийный убийца? А ещё говорил, что ты полицейский? Ах да, и как-то раз утверждал, что ты всего лишь безобидный студент.

Мин Чжаолинь на мгновение замер, а потом его улыбка приняла другой оттенок — неуловимо опасный:

—А-Мань.

В голосе появились странные нотки — как будто в нём скрестились и угроза, и нарастающий интерес, разгорающийся с пугающей силой:

— Ты знаешь даже об этом?

Кто он такой на самом деле?

Лу Хуэй про себя только хмыкнул: конечно знаю.

В конце концов, он сам его таким и придумал, всё это было строчено его руками по клавишам.

— Обо всём этом, что не касается инстанса, поговорим в следующий раз, если ещё встретимся.

— Лу Хуэй отмахнулся от болтовни. — Ты говорил, что видел фото всех врачей. Это только у тебя, или у других игроков тоже?

Мин Чжаолинь облизал губы:

— ...У других тоже.

Это немного удивило Лу Хуэя. Мин Чжаолинь действительно пошёл на сотрудничество и даже сам добавил:

— Под теми же номерами, что у нас сейчас.

— Но, кроме нас, там есть ещё и другие врачи, чьи лица мы в санатории не видели.

— Ах да. — он с иронией повторил интонацию Лу Хуэя, — Среди всех игроков только у меня стоит звание «заведующий».

Так же, как в карточке Лу Хуэя в кабинете — «врач высшей категории».

— Значит, наша роль в инстансе и правда особенная. — заключил Лу Хуэй.

Пока что это «особенность» выражалась лишь в том, что Сюй Тин к ним относилась иначе, нежели к остальным игрокам, и что к ним была прикреплена именно она как медсестра.

Возможно, стоит копнуть в этом направлении?

Он ничего не сказал вслух, но Мин Чжаолинь уже спросил:

— Над чем задумался?

Лу Хуэй тихо протянул:

— Думаю, что будет, если убить Сюй Тин.

Мин Чжаолинь даже немного удивился.

Он поднял брови и выдохнул с восхищением:

— Вот это да, А-Мань, да ты зверь.

— ... — Лу Хуэй молча сглотнул. Что-то с этой фразой было не так.

Мин Чжаолинь загорелся:

— А как именно ты собираешься это сделать? Ты вообще сможешь её одолеть?

— ? Это вообще-то я тебя должен спросить. — Лу Хуэй постучал себя по виску. — Очевидно же, я чисто мозговик, без силовой поддержки. Это ж и так видно.

Мин Чжаолинь обвёл его взглядом, вспоминая ощущения, когда держал его за талию, и с намёком сказал:

— Не сказал бы. Мне кажется, ты ещё какой «киллер», А-Мань.

Лу Хуэй мысленно выругался: «Извините, я просто примерный гражданин, прилежный молодой человек...» Но, раз уж его актёрская игра всё ещё работала на Мин Чжаолиня, он был доволен:

— Спасибо за высокую оценку. Ну так что, ты справишься с ней?

Мин Чжаолинь улыбнулся, а потом задумался:

— Зависит от того, о какой версии Сюй Тин ты говоришь. С дневной, возможно, справлюсь... но не факт. Она явно не обычный человек. А вот ночная... ты и сам всё понимаешь.

Лу Хуэй поморщился:

— И вот зачем ты тратил способности зря?

— Как это «зря»? — Мин Чжаолинь сделал удивлённое лицо. — Я как раз использовал их по назначению. Ты сам потом всё поймёшь, А-Мань.

Он добавил:

— Да и потом, я не хотел перетягивать на себя твою долю очков за вклад.

Лу Хуэй про себя подумал: «Спасибо, конечно, что ты усложняешь нам прохождение...»

Но всё же приятно, что Мин Чжаолинь готов действовать, а не просто наблюдать.

— Когда планируешь начать? — спросил тот.

Лу Хуэй подумал:

— Завтра. Хочу ещё одну ночь пережить, а утром уже действовать.

Мин Чжаолинь сразу понял, на что он намекает:

— А-Мань, а ты не слишком рискуешь?

Лу Хуэй поднял бровь, почти копируя выражение Мин Чжаолиня:

— Что, великий безумец испугался?

Тот хмыкнул:

— Ты же знаешь, я не ведусь на провокации.

— Ну, всё зависит от того, кто провоцирует. — пожал плечами Лу Хуэй.

— Какой самоуверенный.

— Ага.

Он прищурился:

— Так что, будешь мешать... или пойдёшь со мной?

Мин Чжаолинь ответил без колебаний:

— А зачем мешать?

Он улыбнулся шире, чем Лу Хуэй:

— Это же ужасно интересное дело.

— Тогда договорились. — щёлкнул пальцами Лу Хуэй.

Работать с сумасшедшим удобно, он не станет тянуть назад.

Они на время замолчали. Лу Хуэй незаметно потер живот — голод мучил всё сильнее.

Обычно он мог терпеть, но здесь работал какой-то эффект, и он чувствовал себя всё хуже.

Хотя утром они с Мин Чжаолинем вылили еду в унитаз и смыли, казалось, воздух всё равно был насыщен ароматом еды, сытным и до одури аппетитным.

Очень хотелось есть.

Чтобы не сорваться, Лу Хуэй встал:

— Пойду узнаю, вернулись ли соседи.

Ему нужно было выяснить у Ци Бая, во сколько Сюй Тин обычно зовёт всех на собрание.

Ци Бай был привязан к опытному игроку — Ся Гэ, осторожному и предусмотрительному. Учитывая, что Ци Бай чуть не попал под удар, Ся Гэ решил сидеть в палате и никуда не выходить.

Правила не запрещают без надобности выходить.

И при наличии сильного игрока, решившего пройти сценарий, это выглядело наилучшей стратегией.

Ци Бай сказал, что они не ходили в столовую, а с момента возвращения с восьмого этажа всё время провели в палате. Даже когда Ся Гэ просили помочь надеть смирительную рубашку и то не вышли.

Лу Хуэю пришлось признать - черепаха и правда живёт дольше.

Он спросил у Ци Бая:

— Вы засекали, во сколько Сюй Тин приходит звать вас на собрание?

Тот немного растерялся, но потом ответил:

— Да, смотрел на часы. Это было в 9:27. И сегодня, и вчера.

— Понятно. — кивнул Лу Хуэй. — А ты во сне, в лечебнице, в какой палате жил?

Ци Бай замешкался и на автомате взглянул на Ся Гэ.

Тот зажмурился и демонстративно отвернулся, изображая мертвеца.

Ци Бай неловко почесал шею, а Лу Хуэй не стал настаивать:

— Ничего. Не хотите говорить — не страшно.

Ци Бай явно расчувствовался, даже смутился:

— Извини... Спасибо тебе.

Лу Хуэй махнул рукой и откланялся.

Когда они с Мин Чжаолинем вернулись в палату, тот лениво сказал:

— Ты ведь спрашивал не ради дыма в глаза?

— Да. — не стал скрывать Лу Хуэй. — Я не видел его на четвёртом этаже лечебницы.

Ему казалось, что палаты во сне не распределяются случайным образом. Но он не понимал, почему у игрока из восьмой палаты и во сне та же цифра, а сам он числится на четвёртом, хотя Яо Хаохао — на девятом.

В этом была какая-то закономерность?

Если верна его гипотеза и лечебница во сне — это прошлое, тогда почему там на четвёртом этаже есть палаты, а здесь они начинались только с пятого? На четвёртый здесь были сестринский пост и кабинеты.

Лу Хуэй нахмурился:

— Нам ещё нужно понять, почему только у нас проблема с голодом.

Слишком много переменных, чтобы просто исключить причины.

Ладно.

Сейчас, это была вся информация, что он мог собрать. Остальное придёт со временем.

Он не хотел, чтобы в инстансе умирали люди. Но он не бог. Спасти всех — не в его силах.

В час дня Сюй Тин пришла, как по расписанию, с лекарствами:

— Доктор Цзюнь, вот ваши таблетки на сегодня.

Лу Хуэй взял упаковку и заметил, что внутри стало на одну больше:

— Почему на одну больше?

— Сегодня господин Мин наблюдал припадок у пациента. Я добавила успокоительное, чтобы он смог нормально поспать. Если вдруг начнёт бродить во сне — кто будет страдать? Конечно же, вы, доктор.

Сюй Тин покачала головой с выражением лёгкой досады.

Лу Хуэй, сохраняя вежливую улыбку, кивнул:

— Логично. Спасибо.

Закрыв дверь, он передал таблетки Мин Чжаолиню.

Тот принял их под его пристальным взглядом, после чего Лу Хуэй опустился в кресло:

— Встретимся во сне. Пора искать зацепки.

Мин Чжаолинь не возражал.

Но не успели они лечь спать, как к ним пришла Яо Хаохао.

— ...С четвёртой палатой что-то не так.

Она говорила быстро:

— Точнее, что-то не то с тем новичком из четвёртой.

Лу Хуэй чуть приподнял бровь и обернулся к Мин Чжаолиню, уже принявшему таблетки:

— Спать хочешь?

Мин Чжаолинь вяло отозвался:

— Пока терпимо.

Так что они сразу направились вместе с Яо Хаохао в столовую.

Сейчас было уже не время для приёма пищи, но Ван Полан всё ещё ел.

Он выглядел так, будто не ел целую вечность, как будто вернулся к первобытному состоянию. Даже не пользовался столовыми приборами, вцепился в большой металлический таз и загребал еду руками, запихивая себе в рот.

В тазу было сырое мясо, неопределённого вида, порубленное на куски, в кашу из обрывков плоти. Из-за его состояния трудно было понять, что именно там лежит.

Но с утра Сюй Тин сказала кое-что, что позволило легко догадаться, чем именно он может трапезничать.

Лу Хуэй, глядя на это кровавое зрелище, ощутил сильную тошноту. Жгучее чувство голода мгновенно исчезло, в голове зазвенело, и появилось головокружение, будто хотелось отшатнуться назад.

Но он должен был держать лицо перед Мин Чжаолинем, не давая слабину. Поэтому, преодолевая рвотный позыв, с каменным лицом он крикнул Ван Полану:

— Ван Полан.

Тот его проигнорировал.

И Аньнань снова активировала способность, а потом прошептала:

— Его душа... тоже стала чёрной.

Лу Хуэй не был удивлён.

Он повысил голос и снова громко окликнул:

— Ван Полан!

Почти крик, в котором сквозила угроза, наконец, привлёк внимание Янь Луна.

Того самого, которого они не видели с момента входа в столовую. Он появился с кухни, в руках

у него был точно такой же металлический таз, как у Ван Полана.

И теперь они ясно видели, что там лежало.

На горке мяса сверху покоилось... полголовы Ши Хуэя.

Яо Хаохао не сдержалась, желудок взбунтовался, и она тут же отпрянула в сторону, вырвав.

Мин Чжаолинь без особого интереса бросил на неё взгляд, можно даже сказать разочарованный.

Но, едва задержав на ней взгляд меньше чем на секунду, он с явным воодушевлением посмотрел на Лу Хуэя.

Лу Хуэй мгновенно смекнул, что сейчас решается, считает ли Мин Чжаолинь его достойным звания «альфы» в группе, и что нужно держать себя в руках.

Он натянул безразличное выражение лица, будто просто слегка помрачнел. К счастью, он был к этому готов заранее. Иначе мог бы выдать себя.

И тут Ван Полан повернулся к нему, с зловещим блеском в глазах. Он возбуждённо крикнул:

— Цзюнь Чаомань! Это просто божественно вкусно! Вы тоже попробуйте! Это лучшая еда в моей жизни!!!

Лу Хуэй спокойно спросил:

— Ты вообще понимаешь, что ты ешь?

Ван Полан помахал куском мяса:

— Мясо, конечно!

— Это человеческое мясо.

Ван Полан замер.

Он замолчал, словно осознал, что делает.

Но через секунду, на его лице, всё ещё измазанном кровью, расцвела радостная, даже по-детски наивная улыбка. От чего становилось только жутче.

— Конечно знаю! — радостно ответил он.

Он жадно вгрызся в мясо, жуя и приговаривая:

— А какая разница? Если не есть, я просто умру с голоду.

И пока он говорил, из его покрытых сетью кровавых капилляров глаз, по щекам катились слёзы. А лицо при этом оставалось весёлым, как у счастливого ребёнка.

Лу Хуэй сжал руку у бедра.

Но в итоге ничего не сказал и просто развернулся, и ушёл.

С учётом вчерашних происшествий с палатами №11 и №6, сегодняшнего случая с №8, и теперь четвёртой — уже четыре группы вышли из строя.

Если считать, что прошедший день тоже засчитывается, у них остаётся всего семь суток.

А ведь сегодня Сюй Тин называла по имени тех, кто попал под угрозу: 9-я и 3-я палаты контактировали с заражёнными, Ци Бай был в списке, но в прямой контакт не вступал

Если предположить худшее — что именно они станут следующими жертвами, — то в запасе всего четыре дня.

И, что хуже всего, тот NPC, что затаился среди игроков, до сих пор себя никак не выдал.

Лу Хуэй и остальные даже не знали, что он уже сделал. Или... может, делает прямо сейчас?

Например, связан ли с этим случай с Янь Луном?

И Ши Хуэй... что заставило его в панике вырваться из санатория?

Лу Хуэй не верил, что напарник Ши Хуэя — опытный игрок — не предупредил его, что выход за пределы инстанса смертельно опасен.

Выслушав рассуждения Лу Хуэя, Яо Хаохао сказала:

— Я вот думаю... может, с третьей палатой и правда что-то не так? Ты же говорил, что, возможно, там два «я», две личности. У них разные имена, но внешне они похожи. Может, это какой-то намёк?

Она продолжила:

— А то, что было сегодня утром... возможно, это специально, чтобы сбить нас с толку, если они догадались, что мы ищем «крота».

Как и в случае с привязкой — наверняка информация о ней уже где-то утекла. Не все такие сообразительные, как Лу Хуэй, и могли запросто проболтаться в разговоре.

Лу Хуэй кивнул:

— Логично. У меня тоже была такая догадка. Но пока я не уверен, что это именно они.

Он остановился на шестом этаже, свернул в коридор и направился в четвёртую палату.

Поскольку игрок из пятой палаты всё ещё находился в своей комнате, Яо Хаохао не стала продолжать разговор и просто пошла за Лу Хуэем.

Он была в замешательстве, пока Лу Хуэй открывал ящик и доставал оттуда медицинскую карту.

Он пролистал её, и тут Мин Чжаолинь высунул голову, наконец заявив о себе как о «главном герое».

Он чуть приподнял брови и невыразительно сказал:

— Добавился пункт... склонность к поеданию несъедобного*.

* Аллотриофагия - расстройство пищевого поведения, которое характеризуется употреблением в пищу несъедобных или малосъедобных предметов, а также сырых продуктов.

Яо Хаохао округлила глаза и тоже подошла поближе, чтобы заглянуть в карту.

Но слева от карты была койка, а с другой стороны — Мин Чжаолинь. А Мин Чжаолинь был совсем не из тех, кого легко обойти.

Когда Яо Хаохао сделала шаг вперёд, Лу Хуэй тут же поднял руку.

В тот же миг перед ней пронёсся порыв ветра, и она резко остановилась. Её оттолкнула назад И Аньнань, схватив за плечо и отдёрунув.

Прямо перед ней Мин Чжаолинь махнул рукой по направлению шеи — словно бы собираясь нанести удар по горлу.

Но Лу Хуэй перехватил его руку обеими руками и удержал.

Если бы не эта отточенная до автоматизма реакция, Яо Хаохао, вероятно, уже потеряла бы сознание... или сломала бы шею.

Она ещё не осознала всю угрозу — в голове было пусто.

А Мин Чжаолинь даже не взглянул на неё. Его глаза были прикованы к Лу Хуэю.

С приподнятыми бровями, с лёгким озорством, он говорил весело, как будто они просто играли:

— А-Мань, у тебя и правда неплохая хватка.

Хотя Лу Хуэй использовал обе руки, а Мин Чжаолинь не использовал всю силу, было ясно, что у Лу Хуэя достаточно мощи, чтобы в одиночку скрутить взрослого мужчину.

— Я ведь говорил, что был помощником полицейского. — сухо напомнил Лу Хуэй.

Он отпустил его руку и не стал больше ничего объяснять. Такие, как Мин Чжаолинь, всё равно не слушают.

Он обратился к Яо Хаохао:

— Пришла в себя?

Она была бледна и только теперь поняла, почему ветераны так боятся Мин Чжаолиня.

Только ей — как жертве — было ясно: если бы И Аньнань, и Лу Хуэй опоздали хоть на секунду, она бы осталась калеккой... если бы вообще осталась жива.

Лу Хуэй кивнул на Мин Чжаолиня:

— Держись от него подальше.

При ней он ничего не скрывал. Маску держал только перед Мин Чжаолинем.

Он скривил губы, в глазах мелькнуло презрение:

— Он псих.

Но «псих» не обиделся, наоборот, словно гордился этим. Он наклонил голову и взглянул на Яо Хаохао с лучезарной улыбкой.

И хотя его лицо было открытым и лучезарным, в глазах — в этих тёмных, чуть раскосых глазах — не было ни капли эмоций. Один сплошной холод.

...Да, точно псих.

Яо Хаохао с трудом перевела дух, и севшим голосом поблагодарила И Аньнань, и Лу Хуэя.

Тот протянул ей карту, и она, делая шаг в сторону от Мин Чжаолиня, осторожно её приняла, вновь поблагодарив.

Мин Чжаолинь игрался с прядью волос, явно потеряв интерес.

Лу Хуэй бросил на него взгляд — и внутренне с облегчением выдохнул. Раз Мин Чжаолинь скучает, значит, в следующий раз он, возможно, не будет так играть.

Он вновь мысленно пожалел, что придумал такого персонажа.

Хотя, признаться, Лу Хуэй всё ещё испытывал к Мин Чжаолиню некую симпатию.

Потому что тот действительно сумасшедший и поэтому никогда не терзает сам себя.

Делает только то, что ему нравится. Если не хочет — может вообще запороть прохождение, пока NPC не выкинут его из инстанса, не в силах больше терпеть.

В карте было не так много полезного, но Лу Хуэй не стал сразу возвращаться в палату.

Он убедился, что действие таблеток на Мин Чжаолиня ещё не началось, и поспешил пройти в палату №3.

Туда, где были Ду Цинлянь и У Линьжуй.

Когда они шли по лестнице, Яо Хаохао, уже немного оправившаяся, спросила:

— Кроме третьей, кого ещё подозреваешь?

Лу Хуэй не моргнув ответил:

— Тебя и И Анънань.

Яо Хаохао остолбенела.

А он, совершенно спокойно, продолжил:

— Ну посуди сама. Новичок с такой смелостью сам к нам приходит, приносит улики... И напарница у него как раз с «глазами инь-ян».

— Эта способность в других инстансах, может, и бесполезна, но здесь она даёт серьёзные преимущества. С самого начала всё наше продвижение строится на том, что видит И Анънань.

Лу Хуэй чуть изогнул губы в усмешке:

— А если вы — «призраки», и всё, что вы делаете, — это намеренное введение нас в заблуждение... тогда наше полное поражение — вопрос времени.

Яо Хаохао приоткрыла губы, но не смогла найти разумного аргумента, чтобы возразить Лу Хуэю.

Всё верно, как и сказал Лу Хуэй, если «призраки» будут действовать по такому плану, то игроков легко можно будет завести в ловушку.

Но...

Яо Хаохао выдохнула:

— Ты же сам говорил, что это обычный инстанс с одним ветераном и одним новичком. Разве он может быть настолько сложным?

Лу Хуэй пожал плечами:

— Кто ж его знает. Сложность инстанса подстраивается под участников. Хоть это и инстанс «ветеран ведёт новичка», но у нас вот кто есть.

Он кивнул на Мин Чжаолиня, чьё присутствие всё ещё казалось едва заметным:

— С его способностями вполне возможно, что инстанс стал настолько сложным.

Яо Хаохао тоже взглянула на Мин Чжаолиня.

Недавнее нападение ещё стояло перед глазами, и даже мельком увидев край его одежды, у неё внутри всё сжалось.

Она не понимала, как Мин Чжаолинь, заметив, что они на него смотрят, может спокойно улыбаться, будто действительно не пытался убить её минуту назад.

Мин Чжаолинь с ленцой протянул:

— А-Мань, ты меня переоцениваешь.

Лу Хуэй про себя подумал: «Псих из Утопии» — вполне заслуживает такой высокой оценки.

Он промолчал, и благодаря этому наконец-то заговорила И Аньнань:

— Я могу доказать, что мы — игроки.

Она тихо сказала:

— Мой первый инстанс был с Мин-гэ. Это был деревенский инстанс под названием «Плачущая невеста», посвящённый тёмной свадебной церемонии.

Лу Хуэй замер.

Это и вправду был первый инстанс, который он описывал в романе. Но для Мин Чжаолиня он был не первым.

В том сценарии был персонаж — застенчивая девушка, тихо разговаривающая, пугающаяся громких голосов, вечно прячущаяся за спинами других...

Но он не дал ей имени.

Хотел оставить как задел для будущего сюжета — может, когда-нибудь потом использовать.

А теперь столкнулся с ней.

Он не стал спрашивать Мин Чжаолия, помнит ли тот её. Да и не ждал, что помнит.

Поэтому Лу Хуэй сказал:

— Впрочем, уровень подозрения к вам у меня и так невысок.

— Помимо третьей палаты, о которой ты говорила, я ещё подозреваю десятую, девятую, седьмую и вторую.

Он припомнил:

— Игрок из пятой палаты знаком с Янь Луном, так что их исключаю. А двенадцатую... я тоже, скорее всего, исключу.

Он видел, что Ся Гэ — типичный игрок, как и Ци Бай.

Если бы они были подозрительными, они бы не вели себя так пассивно.

И потом, в этом инстансе монстры сильнее самого Мин Чжаолия. Даже если бы они «прикидывались», страх перед ним не был бы таким натуральным.

А страх Ся Гэ перед Мин Чжаолинем — точно не фальшивка.

Лу Хуэй не объяснил этого вслух, и Яо Хаохао не стала докапываться, а просто спросила:

— Десятую и девятую я помню. А вторую... они как раз рядом со мной. Вроде оба какие-то хулиганы, так что и я их запомнила. А седьмая?

Лу Хуэй приподнял уголок рта:

— Тебе вот тоже кажется, что седьмая группа словно бы и не существует?

Но он помнил:

— Я спрашивал их имена. Ветерану, похоже, за тридцать, новичку — за двадцать. Старший выглядит спокойным, а младший... тихоня, типичный офисный клерк.

— Если бы мне нужно было выбирать, кого я подозреваю больше всего, то это были бы вторая, третья и седьмая группы.

Они слишком пассивны.

Даже Ся Гэ с Ци Баем, или Е Юэ, рассчитывающий пройти инстанс с помощью Мин Чжаолия, хоть что-то да делали.

А эти три группы будто нарочно держатся в стороне.

Лу Хуэй задумался:

— Вполне возможно, что кто-то из них подстрекал Ши Хуэя убежать из санатория во сне.

Яо Хаохао только собралась сказать, что это мог быть игрок, враждующий с напарником Ши Хуэя, но не успела, и тут же поняла, что это невозможно.

По правилам, известным ветеранам, они не должны выпускать новичков из поля зрения.

Так что подстрекательство могло быть только во сне.

Яо Хаохао заметила:

— Может, это дело рук какого-то новичка, который хотел проверить, можно ли так сбежать? Вот и подбил его на побег.

Лу Хуэй вздохнул:

— В любом случае, это сделал не я. А если это сделал кто-то ещё, то остаёшься только ты.

Яо Хаохао на мгновение застыла, потом осознала:

— ...Из всех новичков только мы с тобой осмеливаемся выходить одни.

Даже если старшие и заставят, большинству всё равно будет страшно.

Особенно учитывая, что тут нет защиты от старших, а связывать действия новичков никто не будет. В этом инстансе их жизни завязаны друг на друге, и если что-то пойдёт не так, то игра проиграна.

Лу Хуэй щёлкнул пальцами и свернул в коридор пятого этажа.

С его длинными ногами, даже при том, что между палатами были пустые комнаты, он быстро оказался у двери палаты №3.

Яо Хаохао не знала, что он задумал, но решила не спрашивать.

Лу Хуэй постучал.

Прошло несколько секунд и дверь слегка приоткрылась.

Показалась часть настороженного лица Ду Цинляня. У Лу Хуэя чуть дёрнулось ухо, он инстинктивно обернулся и встретился взглядом с Мин Чжаолинем.

Мин Чжаолинь лукаво прищурился — на редкость послушный.

Послышался шум воды.

Лу Хуэй понимал, что Мин Чжаолинь тоже его услышал.

Только после того, как Ду Цинлянь увидел, кто пришёл, он открыл дверь пошире.

Такой жест доброй воли снижал уровень подозрения. Но вполне возможно, что это было специально.

Когда Ду Цинлянь увидел Мин Чжаолиня, стоящего метрах в полутора за спиной Лу Хуэя, в его глазах явно промелькнуло беспокойство:

— Что-то случилось?

Интонация с которой заговорил Лу Хуэй, стала мягкой, даже чуть виноватой, в отличие от того холодного аналитика, которым он был раньше:

— Эм... можно нам ещё раз взглянуть на вашу карту пациента?

Ду Цинлянь нахмурился, снова посмотрел на Мин Чжаолиня, но в конце концов отступил в сторону:

— Заходите, так будет спокойнее.

Здесь коридор был не как в обычных больницах, а скорее, как в старых квартирах. Поэтому, по его мнению, говорить в комнате — безопаснее, что вполне разумно.

Тем более, ночной образ Сюй Тин — в розово-синем — подтвердил это.

Они вошли, и Лу Хуэй заметил, что Ду Цинлянь ведёт себя странно, будто ему не по себе. Он всячески избегал касаний, даже сам к себе прикасался осторожно.

Словно... под одеждой его кололи иголки.

Лу Хуэй взглянул в сторону ванной.

Яо Хаохао поняла, что ему нужно играть роль, поэтому первой спросила:

— Днём — и вдруг душ?

Услышав это, лицо Ду Цинляня стало ещё мрачнее:

— Утром его забрызгало трупной жидкостью, и с тех пор он чувствует себя грязным. Говорит, что его осквернили.

Яо Хаохао поняла, зачем Лу Хуэй хотел заглянуть в карту пациента.

Ду Цинлянь достал карту из ящика и протянул её Лу Хуэю.

Тот взял, и Мин Чжаолинь тут же подошёл ближе, заглянув через плечо.

В карте чёрным по белому появилась новая строка — «тяжёлое обсессивно-компульсивное расстройство*» (т.е. патологическая чистоплотность).

* Обсессивно-компульсивное расстройство (от лат. *obsessio* — «осада; перехватывание», *obsessio* — «одержимость идеями» и *compello* — «принуждаю», *compulsio* — «принуждение»), аббрев. ОКР, также невроз навязчивых состояний — психическое расстройство, проявляющееся в непроизвольно возникающих навязчивых, мешающих или пугающих мыслях (обсессиях), а также в том, что человек постоянно и безуспешно пытается избавиться от вызванной этими мыслями тревоги с помощью столь же навязчивых и утомительных действий (компульсий). Иногда отдельно выделяется обсессивное (преимущественно навязчивые мысли) и отдельно компульсивное (преимущественно навязчивые действия) расстройства. Может иметь хронический, прогрессирующий или эпизодический характер. В ходе аномального изменения высшей нервной деятельности происходит укоренение навязчивых мыслей, обсессий. Они не поддаются контролю, человек не может избавиться от них волевым усилием. Обычно они крайне мучительны. Для облегчения тревожности, общего состояния создаётся

ритуал или даже система причудливых, странных ритуалов, называемых «компульсиями». В отличие от страдающих шизофренией, индивиды, страдающие ОКР, полностью осознают болезненность своих переживаний, это состояние угнетает их.

Лу Хуэй сдержался, чтобы не обернуться на Мин Чжаолия, подтверждая догадку, и просто вернул карту, развернув её:

— У него добавилось новое расстройство.

Ду Цинлянь растерянно моргнул.

Он протянул руку, взял карту, и, увидев надпись, глаза его округлились.

Лу Хуэй словно вскользь добавил:

— Кстати, мы только что видели в столовой, как Ван Полан ел человеческое мясо. Мин-гэ тогда повёл нас в их палату, и в карте было написано «патологическое влечение к поеданию несъедобного».

Ду Цинляня будто окатили ведром ледяной воды. Он даже забыл о своём недомогании — и бросился в ванную.

Комната была маленькой, он добежал быстро и, не постучав, распахнул дверь.

Из-за смеси запахов дезинфекции и геля для душа пробивалась лёгкая кровавая вонь, от которой становилось дурно.

В ванне, окутанной паром, стоял мужчина, усеянный следами от расчёсов.

На нём не было ни одного целого участка кожи, кровь тонкими струйками стекала в слив.

В руках у У Линьжуня был металлический скребок, которым он яростно тёр кожу. С дрожью в голосе он бормотал:

— Что делать... не смывается... так воняет... так грязно...